

ЖИЗНЬ МОЕГО РОДСТВЕННИКА ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Доклад основан на воспоминаниях родственников автора и рассказывает об их судьбе в осаждённом городе.

13 июня 1941 года у моей бабушки был день рождения, ей исполнилось десять лет, а также ей подарили большого плюшевого мишку. Однако меньше, чем через 10 дней началась война. Враг подошел крайне быстро и неожиданно. По словам бабушки, даже она чувствовала, как сильные волнения охватывали жителей Ленинграда. Люди недоумевали, пребывали в шоке и толпились возле репродукторов, находящихся на улицах, в ожидании хоть каких-нибудь новостей или объяснений происходящему. «Я вот помню, как из дома выйду, во двор. Так мимо нашего дома, по дороге люди гонят скотину из своих домов, с котомками и с тележками с вещами, а мы ведь жили на самом краю Ленинграда тогда. Люди убегали. Хотя все они были пригородные, не хотели в плену остаться», - вспоминает бабушка. Ее мама работала в политехническом институте, который позднее был переоборудован в госпиталь, а вот отца на фронт брать не хотели, поскольку он был латышом. Им тогда не доверяли и считали, что могут предать, поскольку Латвия была присоединена к СССР всего годом ранее, но несмотря на это отец пошел в ополчение.

В скором времени начались бомбёжки. Стоит отметить, что район, где бабушка жила находился под обстрелом финских дальнебойных орудий. Рядом располагались Бадаевские склады, еще пока целые, в них хранилась основная часть продуктов для города. Карточки уже ввели, но хлеба пока хватало. Даже транспорт тогда еще ходил, в частности рядом с домом бабушки были проложены трамвайные пути, для всего лишь одного трамвая. Однажды он взорвался прямо на глазах бабушки, никто из находящихся внутри не выжил. Позже трамвай перестал ходить вовсе.

В сентябре 1941 г. Бадаевские склады были разбомблены. По указанию предателей, туда были пущены авиационные бомбы, после этого питание сразу же начали сокращать. Уже в октябре люди стали отлавливать кошек и собак, чтобы выжить. По воспоминаниям бабушки, ее маме, однажды, на работе отдали мясо кошки и из него позднее сварили суп. К тому моменту город был окружен и доставка продуктов практически полностью сведена на нет.

Вот какое положение сложилось ближе к декабрю: «Карточки были такие – больше всех и лучшие продукты получали дети до 14 лет, считали, что им нужно расти. Также хорошие продукты были у рабочих - им давали 250 грамм хлеба,

а остальным – 125 грамм», - рассказывает бабушка. К тому же хлеб, больше, чем наполовину состоял из муки, сделанной из коры. Отсутствовало электричество и отопление. Водопроводной воды уже не было, заканчивалась и в колодцах, также в городе, к этому времени, не работал никакой транспорт, люди стали погибать. Однако забрать трупы было некому, да и приехать никто не мог. Тогда встал вопрос: как их вывозить? Руководством города было принято решение, суть которого в том, что родственники погибших обязаны отвозить тела на санках к зданию руководства, откуда их будет забирать специальная машина и отвозить в братскую могилу.

У бабушки на тот момент была соседка – библиотекарь. Она долгое время хотела съехать, но пыталась забрать с собой хотя бы часть книг из библиотеки института. Сама женщина была крайней пугливой, поэтому они ходили вдвоем. Бабушка вспоминает: «Чтобы ходить по институту, по коридору пройти надо было. А там студенты лежали уже мертвые, друг на друге. Это от голода, у них карточки были – служащих, а за такие карточки вообще ничего не давали. Я, однако, как-то ничего не боялась, даже проходить мимо них, а вот соседке как-то стыдно было, что ли, проходить мимо студентов, чтобы книги взять».

В середине зимы умерла другая соседка, а ее сына пожарники забрали к себе в часть. Сказали, что это теперь это будет сын их полка, ведь никаких детских домов не было. К тому моменту все детские дома уже были эвакуированы, а ребенка нужно было куда-то пристроить. Зима в том году была жутко холодной и снежной, много людей умирало. Тем не менее, даже в таких условиях удалось встретить Новый год. «Мы с братом пошли в парк – срубить елочку себе, а у меня ножичек маленький, ничего им не смогла сделать, конечно. Рядом мужчина какой-то проходил с топором и предложил срубить сосну небольшую, а мне уж и все равно было. Помню, что мы ее украсили. И вот не знаю откуда, но потом было какое-то печенье и еще что-то из еды. Пришли соседи, а прабабушка говорила: «Кто стихотворение расскажет сейчас, тому печенье». Так даже соседи рассказывали что-то, чтобы сладость получить».

В феврале всех начали вызывать чистить дворы от нечистот, что накопились за зиму. Выходили вообще все, подпирали себя палками или хоть чем, но работали. Бабушка тоже

ходила, и помогать старалась всегда, а вот ее брат больше оставался дома. Он вообще был тихим и молчаливым ребенком и, похоже, переживал все тревожные события в себе. Была еще у бабушки подруга Анна. Семья у нее была деревенская и большая, потому долгое время они держали свой скот. К началу весны осталась у них одна корова. Оберегали ее сильно, несмотря на то, что даже сена практически не было. А когда потеплело, бабушка стала помогать Ане выводить эту коровку на улицу. Даже траву ей руками щипали вдвоем, потому что животное было слишком слабым, чтобы делать это самостоятельно. Приходилось с обеих сторон поддерживать плечами, чтоб не упала и не шаталась. По воспоминаниям бабушки: «Зато у меня день рождения был, так Нюшка принесла мне пол-литра молока. Сказала, что это в подарок, за то, что вместе ходили корову спасать». Весна наступила, но обстрелы продолжались. «На Невском еще так из репродукторов разносилось: «Внимание, эта сторона под обстрелом! Никому не выходить!». И вот с одной стороны немцы, а с другой финны». Удалось частично восстановить электричество, транспорт смог начать работу. Бабушка с большой радостью вспоминает момент, когда трамвай снова начал ходить: «Тройка – трамвай был. Я села и поехала на этом трамвае, сколько можно было проехать, а потом назад!» Уже позже, летом, их отца все

же забрали в армию – в гвардейскую латышскую дивизию. Тогда был приказ – эвакуировать в обязательном порядке тех, у кого есть двое детей. Прабабушка колебалась насчет эвакуации, так как далеко не все добирались туда живыми, но всё же решилась, опасаясь, что вторую такую зиму они не переживут. Эвакуировались они через Ладожское озеро, немцы видели, что катера идут и бомбили его сильно. «Мы еле-еле доехали, я к концу поездки была мокрая, как мышь. Вода ведь плескалась много. Мама меня под какую-то тумбу с теплой водой подсунула, чтоб согреться. Вообще удивительно, но у нас даже вещи были какие-то. Единственное, что мама шила и умела еще до войны, покупала ткань. Делала нам одежду из этой ткани, вот и взяли ее целый чемодан». Из Ленинграда они сначала ехали, некоторое время, до Ладожского озера, потом переправлялись по нему, а после ещё несколько дней в поезде. В конце концов, прибыли в Новосибирскую область в деревню Топки. Вся деревня сбежала, чтобы посмотреть на то, в каком состоянии были люди после блокады. Также, бабушка взяла с собой своего любимого плюшевого мишку. Она совсем не хотела с ним расставаться, однако позднее мишку поменяли на мешок картошки. После войны бабушка вернулась в Ленинград, чтобы пойти учиться на врача. Она стала врачом-реаниматологом и почти 40 лет ежедневно спасала самое ценное – человеческую жизнь.

Сидорова Евгения Артемовна, студентка 1 курса факультета информационных технологий и управления Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, janesidoroff@gmail.com.

Научный руководитель: Николаева Людмила Викторовна, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат исторических наук, доцент, Mikalayeva@bsuir.by